

Аэропорт отложенной жизни

Алексей Корнелюк

18+

Алексей Корнелюк

Аэропорт отложенной жизни

«Автор»

2026

Корнелюк А.

Аэропорт отложенной жизни / А. Корнелюк — «Автор», 2026

Илья Ветров приезжает в аэропорт слишком рано. Он летит к умирающему отцу, с которым не разговаривал по-настоящему двадцать лет. В телефоне — сообщения от дочери, в кармане — старая отцовская зажигалка, внутри — вина, злость и усталость. Но рейс задерживают. Сначала ненадолго, затем на несколько часов. На табло появляется странная надпись: «Посадка отложена по внутренним причинам». После этого аэропорт начинает меняться. Гейты ведут не туда, потерянный багаж хранит чужие судьбы, а среди пассажиров оказываются люди, подозрительно похожие на его собственные страхи. «Аэропорт отложенной жизни» — тёмный, ироничный роман о тревоге, стыде, несказанных словах и привычке откладывать важное на потом. Илья думал, что ему нужно успеть к отцу. Но вскоре поймёт: страшнее опоздать не к тем, кто уходит, а к тем, кто ещё рядом.

© Корнелюк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Человек, который опоздал заранее	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Алексей Корнелюк

Аэропорт отложенной жизни

Глава 1. Человек, который опоздал заранее

Я приехал в аэропорт за три часа до вылета, потому что принадлежал к тому жалкому сорту людей, которые опаздывают даже тогда, когда приходят раньше всех. Это не пунктуальность. Это страх, одетый в приличную рубашку. Я всегда приезжал заранее: на вокзал, к врачу, на встречи, к женщинам, которые уже мысленно меня бросили, и к жизни, которая, кажется, давно сняла меня с регистрации. Я стоял у входа в терминал с маленьким чемоданом, чашкой отвратительного кофе за четыреста восемьдесят рублей и лицом человека, который забыл дома не паспорт, а что-то посерьёзнее. Например, способность радоваться.

Аэропорт жил своей мерзкой, блестящей жизнью. Стекло, металл, мокрый асфальт, запах дешёвого парфюма, пережаренной выпечки и человеческой тревоги. Люди катили чемоданы с таким видом, будто везли внутри не трусы и зарядки, а доказательства, что их жизнь всё ещё куда-то движется. Дети орали. Мужчины в костюмах разговаривали в гарнитуры так громко, будто весь мир был их подчинённым и плохо справлялся. Женщины обнимали мужчин, которых через десять минут начнут ненавидеть за то, что те слишком быстро прошли досмотр и ни разу не обернулись. Старик в вязаной шапке ел бутерброд из фольги и смотрел на табло с уважением крестьянина к небу: там решали, будет ли дождь, война, урожай или пересадка в Минске.

Я летел к отцу.

Звучит благородно, да? Сын бросил дела, купил билет, спешит к умирающему отцу, чтобы успеть сказать главное. Можно уже включать скрипку, снимать крупный план моей усталой морды и давать титры. Только в реальности всё было куда грязнее. Я летел не потому, что был хорошим сыном. Хорошие сыновья не ждут инсульта, чтобы вспомнить номер больницы. Хорошие сыновья не смотрят на входящий звонок сестры и не думают: «Господи, только не сейчас». Хорошие сыновья не откладывают разговор с отцом двадцать лет, а потом покупают билет на вечерний рейс, как будто авиакомпания обязана доставить им прощение вместе с ручной кладью.

Я летел, потому что испугался. Потому что сестра сказала: «Илья, если хочешь успеть, лети сегодня». И в этой фразе было всё, что я ненавидел: приказ, вина, срок годности и слово «если». Если хочешь. Если успеешь. Если тебе вообще ещё есть что сказать человеку, с которым ты всю жизнь разговаривал внутри головы, но почти никогда — вслух.

Телефон завибрировал в кармане. Я достал его, хотя уже знал, кто это. Сестра.

— Ты где? — спросила она без приветствия.

— В аэропорту.

— Уже?

— Нет, блядь, мысленно. Физически я пока в сауне с тайками.

Она помолчала. Раньше Лена на такие фразы вздыхала, потом ругалась, потом пыталась воспитывать меня, как младшего брата, хотя была младше на четыре года. Теперь она просто молчала. Это было хуже. Молчание близких — это когда тебя уже не лечат, а списали в расход, оставив на полке до инвентаризации.

— Не начинай, пожалуйста, — сказала она. — У меня нет сил на твой цирк.

— У меня тоже нет сил на мой цирк. Но билеты куплены, звери обучены.

— Врачи сказали, ночь может быть тяжёлой.

Я посмотрел через стеклянные двери на подъезжающие такси. Одно за другим. Люди выходили, хлопали багажниками, целовались, ругались, проверяли документы, что-то забывали, возвращались, снова уходили. Все эти маленькие движения нормальной жизни. Как будто человечество только этим и занималось: вылезало из машин с пакетами, чтобы куда-то успеть, пока внутри тихо горит проводка.

— Он в сознании? — спросил я.

— То приходит, то уходит. Маму узнаёт. Меня сегодня узнал. Про тебя спрашивал.

— Что спрашивал?

— Где ты.

Прекрасно. Великолепно. Старик, который всю жизнь умел спрашивать только «сколько можно заниматься ерундой?» и «когда ты уже станешь нормальным?», перед смертью решил перейти к лаконичной поэзии. Где ты. Хороший вопрос, папа. Где я? В аэропорту. В сорока годах. В чужой жизни. В теле, которое начало портиться раньше, чем я успел им толком воспользоваться. В списке людей, которые собирались всё исправить, когда станет полегче.

— Скажи ему, что лечу, — сказал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.